

Сергей Монастырский

Чужая жизнь

18+

Сергей Семенович Монастырский

Чужая жизнь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67955298

SelfPub; 2022

Аннотация

Случайно встретившаяся слепая женщина. Отчаянная попытка помочь. Потом оказалось, что помогать нужно не разово, а чуть ли не всю жизнь. Даже за деньги. И бросить тоже нельзя, лучше уйти и не начинать. И он стал искать выход.

Сергей Монастырский

Чужая жизнь

Я так стала по тебе скучать, Андрюша! – сказала мама.

– Мам, но это уже было так давно, – Андрей не понял, кого он успокаивает – себя или мать?

– Да, четыре года! – у мамы были совершенно седые волосы, которых раньше не было.

– Мне сказали, что у тебя родилась дочка?

– Кто сказал, – удивился Андрей, – там же никого нет!

– Ну, сказали, – уклончиво ответила мать. – Очень хочется на нее посмотреть!

– Хочешь, я ее сейчас принесу? Она спит.

– Не буди. Мама вытерла слезы рукой, хотя слез Андрей не видел.

– Да, наверное, и не надо, а то и она будет по тебе скучать, – сказал Андрей.

– Как-нибудь приду.

... И на этих словах Андрей проснулся. Серое зимнее утро выползло через еще закрытые еще шторы в спальню. Из кухни уже раздавался лепет дочки, которую жена кормила кашей, скворчала на сковороде утренняя яичница для Андрея, тихо что-то бубнил телевизор. Словом все было как обычно. Но обычной радости от того, что утро, что впереди длинный день, что в квартире жена, ребенок, он не чувство-

вал.

Что-то мешало, что-то произошло. А что, он понять не мог.

Привычно спустя ноги с постели, вставив их в тапочки и накинув купальный халат, он вышел из спальни.

– Ой! А вот и папу сейчас будем кормить! – сказала Валентина, целуя мужа в щеку- А ты малышка покушай кашку.

– Умничка, – похвалила Валентина, – давай папу вместе кормить.

Дочка родилась два года назад. Мать умерла за год до их свадьбы, так что в свои двадцать семь лет Андрей вполне еще мог считаться молодоженом. Да так оно и было. Букетно-конфетный период, казалось, надолго застрял в его семье.

Валентина цепляла вилкой кусок яичницы и подносила ко рту Андрея. Тот послушно открывал рот, и дочка радостно смеялась.

Но что-то не отпускало, не радовало.

– Знаешь, – сказал Андрей, – мне сегодня приснилась мама.

Валентина промолчала. Про личное она ничего не хотела комментировать.

– Она почему-то была с седыми волосами, – грустно продолжил Андрей.

– У нее никогда не было ни одного седого волоса.

– Да, – подтвердила Валя, – она же умерла молодой.

– Пятьдесят два ей было, – Андрей отставил от себя та-

релку. – Может на кладбище съездим? Давно вообще-то не был. Может это она зовет?

– Андрюша, – не говори глупостей! – Валя сжала его руку. – Там, – она показала наверх, – нет ничего!

На кладбище все же Андрей съездил после работы.

Сгущались сумерки и только белые сугробы, засыпавшие могилы давали какой-то свет. Фонари еще не зажигали.

Мама смотрела на него с надгробной фотографии молодая, веселая. Такой он ее и знал и помнил сейчас, и даже те мучительные полгода как-то не испортили эту память.

Да, на кладбище он съездил. Но не отпустило.

– Черт те что, – сказал он вечером жене. – Ну, сон и сон!

Что же так тяжело!

– Это пройдет! – утешила Валентина. – Сны забываются.

– Но ведь зачем-то она приходила? – Упорствовал Андрей.

– Она же тебе сказала- соскучилась, – напомнила Валя.

– Ну, да, четыре года не скучала, а сейчас соскучилась!

– Слушай! Не входи в депрессию! – Валентина закрыла тему.

... Ночью Андрей вспомнил!

– Знаешь, – сказал он за завтраком, – Она меня кое о чем просила перед смертью. Во-первых, чтобы я женился. Я женился.

– А, – протянула Валентина, – я-то думала по любви! А ты исполнил завещание маменьки!

– Не говори глупостей – рассердился Андрей. Во вторых, хоронил ее в закрытом гробу – смерть меняет внешность человека, а она же хотела, чтобы ее помнили живой! В-третьих, чтобы написав диссертацию ушел в науку.

Я ушел.

– А где наука? – спросила Валентина.

– Мама мало, что понимала в науке, – объяснил Андрей. Ей казалось, что наука, это институт. А там платят две копейки!

– Ну, я к чему?! – продолжил он. – Еще кое о чем просила. Я сделал. А вот об одном действительно забыл.

– Это о чем? – Валентина напряглась.

– Когда она месяцами лежала в онкологии, у нее была любимая медсестра. Они просто стали подружками. И за два месяца до маминой смерти, эта медсестра заболела. Что-то с иммунной системой. Так вот, она, мама рассказывала, была одна на всем белом свете. Ни родителей, ни мужа, ни детей – никого у нее не было. И мама очень беспокоилась, как она справляется. Сама она уже, понятно, навестить ее не могла. И вот эта последняя просьба была о том, чтобы я ее навестил и если нужно – помог!

– Навести! – просто сказала Валя.

...Медсестру эту Андрей помнил смутно. В халатах и белых накрахмаленных шапочках они все казались на одно лицо. Помнил, что зовут ее Дина, так называла ее мать, и что лет ей было по виду около или чуть больше сорока. Поэтому

первым делом заглянул он в то отделение онкологической клиники, где лежала мать.

Естественно, молоденькие медсестры, дежурившие в тот вечер, куда после работы зашел Андрей, дела четырехлетней давности не помнили. Однако отослали его к старшей медсестре, которая, как они сказали, всю жизнь здесь работала, но будет только завтра утром.

Андрей понял, что нужно брать отгул. Старшую медсестру, суровую даму, совсем, однако, не старого возраста, он застал. Но пришлось выдержать пристрастный допрос.

– А вы кем ей будете? – спрашивала она, спустив очки на кончик носа.

Как мог, Андрей объяснил. Оказалось, что строгая дама смутно, но все-таки вспомнила мать Андрея, и ту медсестру, которую он искал.

– А вы что, всех так помните? – поразился Андрей.

– Ну, почти. Лучше бы не помнить, столько горя на мне! Это же онкология, почти верная смерть! – Пояснила она.

Порывшись в документах, нашла долгожданный адрес той медсестры, которую Андрей искал.

– Да, тяжелая была болезнь, – сказала она, – Мы Диночку почти два года держали в штате. По месяцу – два она болела, потом возвращалась, и года полтора назад уволилась. Дали ей инвалидность. Я с ней потом созванивалась где-то полгода, девочки к ней наши иногда заходили, а потом как-то все затихло. Ну, так жизнь устроена – возразила она и добавила.

– И ко мне дорогу забудут. И к вам.

...Хрущевская обшарпанная пятиэтажка, где жила Дина Николаевна, находилась в рабочем районе на краю города. Андрей ничего не понимал, зачем он ищет эту медсестру, и чем он ей сможет помочь, но решил все закончить за один – два дня и выполнить свой такой неясный долг перед матерью. На входной двери в подъезд, не было, естественно, никаких кодовых замков, она вообще была распахнута, несмотря на зимнюю погоду.

– Не мог бы увидеть Дину Николаевну? – Вежливо осведомился Андрей у открывшего на звонок дверь не бритого мужика в трусах и майке.

– А ты кто?

– Да вы позовите Дину Николаевну, она вам сама объяснит!

– Нет тут никаких Николаевн! – Все так же хмуро ответил мужик и закрыл дверь.

Андрей посмотрел в выданную ему бумажку. Адрес был верным.

– Молодой человек! – окликнул его женский голос.

Андрей оглянулся. Из соседней приоткрытой двери смотрела старушка вхалате.

– Да? – откликнулся он.

– Да вы зайдите! – пригласила старушка.

Также как тот мужик начала спрашивать.

– А вы ей кто?

Чтобы сильно не заморачиваться, Андрей на ходу придумал версию о двоюродном брате, приехавшем из другого города.

– А вы разве не знаете, что она ослепла? – удивилась старушка.

Андрей тоже удивился, чем чуть себя не спалил, но тут же выкрутился.

– Мы с ней созванивались редко. В последний раз она сказала, что заболела, но что ослепла – нет, не говорила!

– Ослепла, ослепла. – Пояснила старушка. – Из дома бедняжка выйти не могла. Я уж ей помогала, то хлеба куплю и принесу, помогу по квартире. А потом знаете, все мы стали бояться, что она дом спалит. Прихожу как-то, а у нее огонь на кухонной плите горит. У нас же они газовые! И что ж ты не выключила?! – говорю.

– Да я, – отвечает, – вроде бы выключила!

Ну, мы в домоуправление позвонили. Те пришли, посмотрели.

– Это, говорят, дело собеса!

Приехали из собеса, что-то с Диночкой говорили, потом стали откуда-то ходить какие-то женщины, вроде как обслуживать. Не знаю, что у них там произошло, но вот несколько месяцев назад увезли Диночку в дом инвалидов. Сказали, ей – там хорошо будет!

– А в какой дом инвалидов, на всякий случай спросил Андрей, уже радуясь, что вот дело и закончилось.

– Да кто ж ее знает!

... Дома за ужином Андрей рассказал всю историю.

– Ну, вот и все, – вздохнула Валентина, – государство о ней позаботится.

– Ты это серьезно? – усмехнулся Андрей.

– А я Андрюш, не представляю, чем бы ты ей помог.

Андрей и сам не представлял. Но хотелось поскорей закончить эту так и не кончавшуюся историю.

– Ладно, – вздохнул он.

– Смотри, Андрюша! А то я о твоём психическом здоровье задумалась!

– Да здоров я, здоров! Хочешь докажу! – и Андрей поднял жену на руки и понёс в спальню.

– Так у тебя физическое, а не психическое! – весело сопротивлялась Валя.

– Так у меня всякое! – заверил Андрей.

... Радовался, однако, он рано. Днём позвонила старшая медсестра, телефон свой он ей оставил.

– Ну, как она там? – спросила старшая.

– В инвалидном доме. Там за ней ухаживают, – пояснил Андрей.

– В инвалидном?! – ахнула медсестра. И помолчав, добавила, – пропадет Диночка! Совсем пропадет!

– Почему? – растерялся Андрей.

– А вы, молодой человек, в инвалидном доме бывали?

– Нет, – честно сказал он.

– Советую сходить. А в каком она?

– Не знаю.

– Если узнаете, позвоните мне, – сказала старшая и повесила трубку.

... С таким настроением Андрей в этот вечер и вернулся домой. Настроение было странное. С одной стороны, далась же ему эта медсестра! Она была не из его жизни, не из его семьи и вообще, не из близких к его его жизни.

– Ну и все, на этом заканчивай, – посоветовала Валентина.

– Да теперь перед старшей медсестрой не удобно, вроде я ей должен. Да и маме, что я скажу?

– Андрюш, ты опять?! Нашел маму?

Андрей все же не любил незаконченных дел. – Ладно, решил он, найду, увижу – жива мол, здорова, и на этом все!

Город был немаленький и по запросу компьютер выдал в городе четыре дома инвалидов. Все они были далеко за городом.

Называясь то дальним родственником, то школьным другом, он объезжал каждый из них.

– Есть такая, – ответили в одном из них, а что вы хотели?

– Видите ли, меня просила медсестра, передать ей небольшую посылку.

... Дом инвалидов находился на краю заброшенного парка в рабочей окраине города. Территория была загорожена, и войти на нее можно было только по разрешению заведующей.

щей.

Охранник провел Андрея к одноэтажному со следами былой штукатурки зданию и передал дежурной – то ли медсестре, то ли нянечке.

Был, видимо, обеденный час и все население этого богоугодного заведения собралось в небольшом углублении коридора, называемом, по-видимому, столовой.

Особых инвалидов Андрей как-то не заметил. Были несколько человек на колясках, а все остальные в основном, очень пожилые мужчины и женщины, выглядели вполне здоровыми людьми.

– Они инвалиды, – пояснила провожатая, – у всех серьезная группа. Но берем только тех, у кого по жизни нет возможности себя обслуживать. Нет у них никого! – добавила она. И тихо шепнула – ээки, например, отсидят по десять – пятнадцать лет и всю жизнь по тюрьмам, а как состарятся да кучу болезней заработают – кто за ними ухаживать будет?!

Публика стучала ложками по дну алюминиевых мисок, гоготала, шмакала щербатыми ртами, и только кучка женщин за дальним столом, вела себя тихо, и не принимала участие в общем веселье.

Нет, на санаторий это не походило!

– Дина Николаевна! – позвала провожатая, и от стола старушек поднялась молодая еще, лет сорока женщина в довольно приличной одежде, в отличие от большинства, и осторожно направилась на голос. Ни по глазам, ни по ка-

ким-то внешним признакам нельзя было угадать, что она слепая и только очень осторожный шаг и нерешительные движения выдавали в ней незрячую.

И сидевшая за столом публика повернулась в ее сторону, весело давая команду:

– Прямо, прямо! Налево, нет направо!

– А ну молчать! – крикнула повар, а то второго не дам!

Когда Дина приблизилась, Андрей быстро, чтобы сопроводжающая не обнаружила, что они незнакомы, догадался взять Дину Николаевну под руку.

– А я вас сразу узнал, Андрей я, друг вашего двоюродного брата, он вам посылку прислал -там у меня в машине...

– Можете пройти на территорию – разрешила женщина, но за ограду ни на шаг! Да вас охрана и не выпустит. Там в беседочке поговорите, Дина Николаевна знает!

Ничего не понимающая Дина, взяв Андрея за руку, вывела по узкому коридору на улицу.

– Кто вы? – наконец спросила она.

– Пожалуйста, тише, сейчас все расскажу. Где беседка?

– Да вы ее, наверное, сами видите.

Андрей увидел. Беседка стояла у забора под огромной липой.

Деревянный пол ее был заполнен окурками, пробками от пивных бутылок, какими-то бумагами.

Но пришлось сесть.

В двух словах Андрей рассказал свою историю.

– Что вы от меня хотите? – спросила Дина.

– Хочу узнать, чем помочь, мама просила!

– У вас была прекрасная мама. Мне очень жаль – грустно сказала Дина. – Не знаю, будет ли вам интересно меня слушать?

– Ослепла я внезапно и сразу. Это была редкая иммунная болезнь, которая в принципе не лечится. И протекает рывками, то затихает от приема изрядных доз гормональных таблеток, то опять взрывается.

Поэтому работать я уже не могла – при обострениях меня ломало два-три месяца. Потом столько же отходила. И вот готовлю как-то обед, и вдруг, чувствую, что свет погас и наступила черная темнота! Я, было, подумала, что-то из кастрюли брызнуло и в глаза попало! Короче – скорая, офтальмолог, и приговор по-русски – инсульт глазного сосуда!

Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!

Три недели лежала в больнице. Что-то пытались со мной делать. И выписали. А как теперь жить – не представляла. Со мной в палате лежала женщина, намного меня старше, очень старая. Ей делали уже шестую операцию, и ничего не выходило. Постоянно приходил муж, сидел с ней, книжки читал. Я ей прямо завидовала. – Муж, это ее глаза и все на свете. Она и сама говорила – он и в магазин ходит, и готовит, и убирает, и ее моет!

И вот, когда мы вместе выписывались – а мы с ней очень сдружились – она и говорит:

– Поживи пока у нас, муж за двумя будет ухаживать, он справится! А потом придумаем, как тебе быть. Куда ты сейчас? Ни чай согреть, ни понять в какую сторону идти в квартире.

Было совестно, а что делать? Я согласилась.

Отдала ее мужу остатки пенсии инвалидной, с которой ушла в больницу.

Так прожили недолго. Он водил нас на прогулки, кормил. Через неделю я решила помыться.

– Не ходи сама, – сказала подруга, – муж тебе поможет забраться в ванну и выйти из нее, а по подставке в ванной ты даже не залезешь сама!

И в ответ на мои отнекивания, добавила, – Он у нас как доктор. Ты ведь в гинекологии раздеваешься!

Ну, ладно, я разделась в ванной, он взял меня под мышки, поставил на дно ванной, Также очень заботливо вытащил из ванной, поставил, развернул к себе спиной и сказал:

– Держись за края ванной обеими руками, я тебя со спины вытру.

И чувствую, прижался ко мне и попытался обнять. Я тихо сказала: Сейчас закричу. И он отстал.

Я поняла, что так будет и дальше. И, конечно, под благовидным предлогом ушла. Попросила вызвать такси и сказала соседке, чтобы встретила.

Не буду рассказывать, как я привыкала ходить, что-то делать, есть и все остальное в темноте!

Мир, конечно, не без добрых людей.

Навещали с работы, купили мне вскидку мобильный телефон с функцией голосового управления.

– Сири, позвони тому-то, включи то-то... Например, телевизор, какие-то электронные приборы. Это умные мужья моих медицинских подруг сделали. Соседка, конечно, дай бог ей здоровья, помогала. Приносила покупки из магазина, заходила каждый день.

Но у всех свои заботы, своя жизнь, все это стало реже и реже.

Потом вот эта история с включенной плитой. Заходит соседка, а у меня в конфорке огонь не горит и газом пахнет. Ну, она вызвала домоуправление, они связались с собесом.

Я, признаться, об этом как-то не думала. Слово-то какое-то страшное, да и что они могут?

Ну, написала заявление. Сначала почти месяц приходила одна и та же женщина. Так, через день, я давала деньги, она по моему списку приносила продукты, несколько раз приготовила обед дня на три – четыре и самое главное разложила таблетки – чтобы я смогла сама их пить.

Неплохая женщина, а сама призналась, что на этой работе пересиживает, до настоящего хорошего трудоустройства, потому что платят в собесе мало.

Потом она, видимо, устроилась, и стали раз-два в неделю приходиться какие-то случайные люди. В основном молодые, только что из школы. Тоже, видимо, пересиживали до инсти-

туда. Я их не интересовала. Или интересовала, но в другом плане.

Например, одна девушка как-то говорит:

– Дина Николаевна, можно я со своим парнем приду?

– Да, приходи, – говорю, – веселей будет посидеть часик.

Они меня оставили на кухне и заперлись в спальне. За этот часик я таких ахов и вскриков наслушалась из комнаты, что хоть сама к ним присоединяйся!

Потом старушки начали приходить. В основном дремали на диване и выражали большое недовольство, если я о чем-нибудь просила.

Потом неделями никто не приходил. Я звонила, мне отвечала заведующая собесом. Молодая по голосу женщина. Очень внимательно интересовалась моей жизнью, моей болезнью и родственниками.

Повздыхала, что им отпускают мало денег за инвалидами ухаживать.

– Единственно, – говорит, – какой я вижу выход, попытаться устроить вас под стационарный присмотр и обслуживание – в дом инвалидов.

Я, естественно, этого слова испугалась, но она успокоила, – Но знаете, – говорит, – это как санаторий, в котором тебя кормят, есть медицинское обслуживание, вообще тебе не нужно ни о чем беспокоиться.

– А жить я там буду отдельно? – спрашиваю.

– Нет, комнаты общие, по три – четыре человека.

– А отдельных нет?

– Отдельные, – говорит, – только в частных домах инвалидов. Но там дорого – тридцать, а то и сорок тысяч в месяц.

Ну, куда, мне такое, у меня вся пенсия десять тысяч!

За тридцать-то тысяч, а то и за двадцать, я бы себе и дома нашла сиделку – утром приходит – вечером уходит! Хотя бы из наших медсестер, вышедших на пенсию.

Ну, вот, я и здесь.

... Дина закончила. Сидеть на холодной, едва очищенной от снега скамейки было неприятно, и Андрей даже обрадовался, что можно встать.

– Давайте пройдем, – предложила Дина, и доверчиво взяла его под руку.

– Вы разрешаете? – спросила она, – одна я боюсь ходить. Могу поскользнуться, упасть.

– Да, конечно! – Андрей прижал ее локоть к себе, чтобы прочнее держать, – А что, домой вы совсем не ходите?

– Нет, мне два года нельзя там появляться.

– Почему?

– Да у нас с начальницей собеса такой договор, – она меня устраивает сюда, а я в качестве благодарности сдаю свою квартиру ее дочке с ребенком. Бесплатно, конечно, через два года будет сдан дом, в котором они купили квартиру по ипотеке. Поэтому с деньгами у них сейчас очень трудно. А дочь одна без мужа.

Дина Николаевна продолжала рассказывать о начальнице

совбеза, о том, как трудно устроить инвалида в такие учреждения, о том, что инвалидов много, а домов на весь город всего пять, и очередь сюда длится годами...

Но Андрей ее почти не слышал. Перед глазами его стоял небритый мужик в майке, настезь раскрывший дверь. Как-то не был он похож на мать-одиночку, обзаведшуюся ребенком и ипотекой.

Да и кто бы дал ипотеку неработающей женщине?!

Что-то тревожное мелькнуло в его душе.

– В общем, Вы как в тюрьме? – спросил он.

– Ну, не в тюрьме, конечно, главное, что не надо думать о быте! Но неприятно, конечно, жить в общежитии. Да и контингент тут... – она замолчала.

– А зачем вы меня нашли? – спросила она.

– Мама просила, – сказал он. И сознался:

– Я не знаю, чем могу вам помочь.

– Ничем, – резко ответила Дина, – я ведь и не прошу.

– Разрешите, я иногда буду вас навещать, – спросил Андрей – Видимо, мама и имела ввиду хотя бы это,

...Возвращаясь из инвалидного дома по грязной от мокрого снега дороге, Андрей вдруг подумал, что он не подозревал, что вот здесь, в этом городе, вдали от улиц освещенных огнями торговых центров, ресторанов, кафе, где за уютными столиками сидят счастливые люди, обсуждающие какие-то свои проблемы, существует и другой, никому неизвестный мир искалеченных людей, живущих совсем другими

проблемами и тоскливо ожидающих только одного – окончания своего существования.

Он в очередной раз ругнул себя за то, что нырнул в эту пропасть, залез в чужую жизнь, о чем его никто не просил.

Все, решил он. Конечно, на этом надо ставить точку и скорее забыть всю эту историю. Тем более, что Дина сама сказала, что помочь он ничем не сможет, и помощи от него она не ждет.

Да и на вопрос о завещании как-то промолчала. Они вообще разные люди, о чем им разговаривать?!

– Ну, как? – спросила Валентина за ужином, зная, конечно, что Андрей, найдя адрес, посетил подругу матери.

– Никак, – ответил Андрей, – решил не размазывать эту кашу.

– Живет нормально, за ней ухаживают. Ну не дома, конечно, но есть у нее другой выход?

Однако, перед глазами все время появлялся мужик в майке, гогочущие мужики в столовой, ожидающие спектакля, когда Дина заблудится по их указаниям и где-нибудь грохнется.

– Андрюш! – прижалась к нему под одеялом жена. – Ну, не ври мне, я ведь тебя знаю. Что там случилось?

– Несчастье! – Андрей вздохнул.

– Понимаешь, все в этой истории что-то нечисто. Кто-то ее сильно дурит.

И рассказал про свой разговор с Диной.

Валентина, вдруг отвернулась от него и уже холодным голосом сказала:

– Слушай, у меня впечатление, что это твоя Дина может, чуть ли не между нами лечь! Как же мы без нее до сих пор жили? А теперь она, что член нашей семьи?! Ты в нее не влюбился, случайно? А может быть, между вами уже отношения?!

Такого Андрей не ожидал.

– Валь! Ну да, зря я влез. Но что теперь делать? Зная, что человека тянут в какую-то яму, все бросить? Мол, дело не мое!

– Ну, как-то мы жили без нее! Ты уж определись, Андрюш, где твое дело – здесь или там?

– Да, здесь, конечно!

– Ну, тогда все! Забудь о ней!

... Серый зимний рассвет застал их отвернувшихся друг от друга.

Но нужно было на чем-то остановиться. Решили так: Андрей заявит о своих подозрениях в органы, и пусть они сами разбираются.

... Но прежде, чем обратиться в органы, Андрей решил проверить обоснованность своих подозрений. И все. И забыть!

Попросив у заведующей инвалидным домом еще одно разрешение на свидание с Диной, он провел ее в кабинет заведующей.

– Скажите, – спросил он, – как попала сюда Дина Николаевна?

– Как и все! – удивилась заведующая. Было направление от собеса, медицинские справки...

– А что любой инвалид так сюда может попасть?

– Если есть основание, любой!

– А основание это что?

– Решение комиссии собеса о невозможности конкретно-му инвалиду себя самостоятельно обеспечивать.

– Говорят, очередь на годы?

– Кто это говорит? У нас и сейчас есть свободные места.

... Обратный путь в палату шли молча.

Андрей осторожно вел Дину Николаевну по коридору.

– Здесь есть окно? – внезапно спросила Дина.

– Есть!

– Подведите меня к нему. Я не могу сейчас идти в палату.

Подшли к окну. Там за окном этого дома скорби шла другая жизнь. Веселая, печальная, но другая. Там шли свободные люди, свободные в своих действиях, в своих поступках, планах, желаниях.

Там сидел снегирь, сейчас и он улетит в свою жизнь.

А здесь был казенный коридор, палата, в которой они обречены жить всю оставшуюся жизнь.

И жизнь эта по расписанию и по команде.

Лицо Дины было отрешенное, невидящие никого глаза смотрели пустыми зрачками в заснеженное окно.

– Ну, как? – растерялся Андрей. Я хотел, ну как бы это сказать, освободить вас из плена. Вас же обманули!

– Люди недобрые! – ответила Дина, – так начали обманывать, как только я слепой стала. Жить мне еще, может долго. Вы что меня будете сопровождать по жизни?!

А на счет плена... Ну и куда я пойду? Опять в свою квартиру? В которой даже не могу приготовить еду?!

– Да, – пробормотал Андрей, – а я хотел бы помочь жить, вам здесь, и когда будет возможность, пригласить к себе и опять сюда вернуть. Все-таки это какая-то свобода.

– Ничего не хочу! – глухо сказала Дина, – хочу умереть.

– Дина Николаевна! – как можно более осторожно сказал Андрей, – выбирайте сами: или, если хотите, я уйду или добьюсь Вашего освобождения. Я буду считать, что выполнил свой долг перед мамой.

На следующий день, подав письменную просьбу отпустить ее до восьми вечера под попечительство Андрея, Дина вместе с ним, написала заявление на подозрение в мошенничестве в отдел борьбы с организованной преступностью.

Когда Андрей, Валентине рассказал об этом, она неожиданно взорвалась:

– Знаешь, я устала от такой твоей абсолютно ненужной ни нам ни ей заботе.

– Почему не нужной?! – удивился Андрей.

– А чем ты помог? Ты понимаешь, что таким помочь можно только одним: взять их в свою семью, и довести до конца

жизни. Ты готов?

– Да, нет, конечно!

Андрей удивился, что жена его не понимает – и в мыслях такого не было! Просто у Дины обнаружилось обстоятельство, в которых она сама бы не разобралась. А других кроме меня у нее нет!

– А ты есть?

– Ну, случайно, поняла?

– И что теперь? – уже наступает другая жизнь?! Ею как пользовались, раз она не видит, так и будут пользоваться! Будут воровать деньги, которые она будет давать на еду, жить в ее квартире! Может из квартиры сделают притон и саму на наркотики посадят!

Вот что ты хорошего сделал?!

... Через неделю Андрея вместе с Диной вызвали в полицию.

– Дело не хитрое, – объяснили им. Заведующая совбезом предложила Дине поменять два года бесплатной аренды якобы, для дочери, на дом инвалидов.

Для закрепления отношений подписала с ней договор, закреплённый нотариусом.

А на самом деле слепая Дина подписала, оказывается, доверенность на имя заведующей о ее праве сдавать квартиру в аренду, получать деньги за это, ну и так далее. Подставной нотариус доверенность заверил.

Два года они собирались, получать деньги за аренду, а Ди-

на Николаевна жить в инвалидном доме. Ну, дальше шла всякая круговерть: если же она будет пытаться что-то сделать, ее выпрут из дома инвалидов и так далее.

– И что теперь? – спросил Андрей.

– А ничего. Возвращайтесь домой – квартира свободная, или оставайтесь в инвалидном доме – дело ваше! А документы, которые Дина Николаевна подписала?

– Нет больше этих документов!

– А когда будет суд? – вдруг спросила Дина.

– Над кем? – удивленно вскинул брови опер.

– Над заведующей.

Опер помрачнел. Лицо его поскучнело.

– Кровожадна вы женщина, Дина Николаевна! Ну, совершил человек ошибку, раскаялся. Вы свободны, никто вас больше доставать не будет! Что еще надо?

– Но, это же преступление!

– Вы не об этом писали заявление! Вы написали о подозрении в мошенничестве. Мы проверили – мошенничества не было, – суровым голосом произнес опер.

– Все! Пойдемте, Дина Николаевна, – Андрей силой утащил Дину из этого кабинета, пока дело не приняло другой оборот.

– Спасибо, товарищ офицер, простите: не знаю вашего звания.

– Майор, – улыбнулся опер. – Счастливого пути!

... На улице Дина вспыхнула:

– Зачем вы так все простили?! Сколько еще всюду будут надо мной издеваться!?

– Дина Николаевна, – успокоил ее Андрей, вы что, не понимаете: пуганули они вашу заведующую вашим заявлением и слупили с нее неплохие деньги! Свобода стоит дорого! Но дело-то для вас сделано! Все, забыли! Иначе неизвестно, что уже не заведующая, а менты с вами сделают!

– Так куда везти? – спросил Андрей.

– Откуда взяли – в богадельню!

– За что боролись! – забормотал Андрей.

Дина внезапно вкатила в истерику:

– Вернусь я домой – вы со мной будете сидеть? Варить обеды, ходить в магазин, ходить гулять? Вы?

Андрей тоже разозлился.

– Нет, не я! Я свое дело для вас сделал! И не подписывался на такое ваше обеспечение. На это есть госуслуги!

– Вот к ним и везите! – сказала Дина. И положила руку на его колено:

– Простите меня. Я не знаю, что мне делать. Как жить! Но я вам очень благодарна. Так как вы в моей судьбе никто не учувствовал.

– Звоните! – сказал Андрей, – если будете в беде, Я приеду!

***

Прошло полгода. Стояла уже июльская жара, душно было в городе и по выходным пусто. Люди разъезжались на дачи,

на пляжи, просто на природу, словом жизнь уносилась из города туда, где цвело лето.

Андрей с Валеёй тоже проводили выходные, удирая из города. С маленькой дочкой, правда, далеко не уедешь и потому к вечеру они возвращались домой.

В один из таких вечеров и раздался звонок.

– Добрый вечер, Андрей! Это Дина. Вы меня еще помните?

Андрей вздрогнул. О Дине они с женой старались не вспоминать, хотя, конечно, те переживания не могли так быстро выветриться.

Дина словно представляла реакцию.

– Нет, нет, – быстро проговорила она, – у меня все в порядке. Я просто хочу вас пригласить в гости.

Андрей подозревал, конечно, никто просто так, без повода в гости не приглашает, и сходу попытался отвертеться. Начал что-то о подготовке к отпуску, о завале, в связи с этим на работе ...

– Ладно, ладно, давайте честно, – Дина решила взять быка за рога, – у меня есть одно предложение, которое может оказаться для вас очень выгодным. И сразу перешла к делу:

– Стоимость предложения – три миллиона.

Андрей был ошарашен, откуда у Дины три миллиона?! И что за дело за такие деньги?

– Хотелось бы не по телефону, – закончила Дина, – приходите все вместе ко мне в гости. Я куплю торт, чай есть.

– Вы уже ходите в магазин? – вежливо осведомился Андрей.

– Нет, конечно, – ходит соседка. Я ближайшие три дня дома. А вообще живу у инвалидов.

... Андрей передал приглашение Вале. Та сходу идею зарубила.

Все! Хватит! Опять эта канитель начнется! Мы же договорились: нет больше никакой Дины!

– Валь! Но ведь три миллиона! Мы таких денег за всю жизнь не заработаем!

– А зачем они тебе, Андрюш?! – подвела черту Валентина.

– Да мало ли! В отпуск будем ездить за границу, машину новую купим, наша колымага больше года не проработает! В кредит лезть?! А жить тогда на что?!

К ночи решили так – в гости пойдут. Надо же выслушать, что это за бред про три миллиона. Но если опять все сначала, то вежливо попрощаются.

... В квартире Дины было прибрано, на столе стоял торт и чайный сервиз.

– Прибралась соседка, – улыбнулась Дина, – помогла мне гостей дорогих принять. А сервиз – из прошлой жизни. Сейчас я все больше из алюминиевой кружки чай пью, намекнула она на дом инвалидов и перешла к делу. Но перед этим попросила:

– Можно я вашу дочку на коленях подержу. Я так люблю маленьких. Бог мне не дал.

Дочка уселась на колени к Дине и занялась ее бусами.

– А где три миллиона? – пошутил Андрей.

– А вот они! – Дина обвела руками квартиру. Я попросила свою подругу из больницы узнать в интернете по объявлениям, преЙскурант цен.

– Вы хотите нам ее подарить!?! – вдруг спросила Валентина.

– Завещать, – ответила Дина.

Суть предложения состояла в следующем. При очередном осмотре у иммунолога, у которого она несколько лет лечилась от своей болезни, приведшей к слепоте, врач не стал скрывать:

– Лечение наше с вами результатов не дает. Болезнь перешла в агрессивную стадию. С этого дня вы начинаете жить, как на пороховой бочке и рвануть может в любую минуту!

– И все-таки – сколько? – спросила Дина.

– В медицинской литературе я не встретил случая, чтобы это продолжалось больше пяти лет.

И этот разговор неожиданно дал Дине идею.

Можно, конечно, промучиться эти пять лет, но сколько там ей осталось жить, как сейчас в инвалидном доме, а можно заинтересовать квартиру хорошо знакомых людей, получить простенький постоянный уход и обслуживание. Она ничего не теряла. Квартиру на тот свет с собой не унесешь!

А условия ухода были просты:

– Два раза в неделю готовить обед на кухне, в эти же дни

или другие, выводить ее в парк через дорогу погулять пару часов, только два раза в неделю, – уточнила она. – В эти же дни, но один раз в неделю – обратиться.

– Я не исключаю, что могут появиться какие-то разовые просьбы, – закончила она, – но это по обстоятельствам.

– А почему вы решили обратиться именно к нам? – спросил Андрей.

– Не знаю. Вы мне как-то стали близки, – и засмеялась.

– Возьмите с тумбочки вот эту бумажку, это результаты последнего обследования, выводы о моей болезни, – сказала она. – Почему вы должны мне верить? Проверти у соответствующего специалиста – врача.

– А если мы откажемся, вы очень огорчитесь? – осторожно спросил Андрей.

– Огорчусь! Но попробую обратиться к другим из прошлой жизни. Таких пожилых у меня четыре.

... Домой возвращались молча.

– Ну что? – первым не выдержал Андрей.

– Незнаю, – замялась Валентина. Пусть даже на пять лет, но это же обязанность соблюдать режим, постоянно каждую неделю, к тому же, дорогой, это все будет на мне!

– И на мне, – возразил Андрей.

– Да? Я не знала, что ты будешь у нее обед варить, стирать и убираться! – Зато я с ней в это время буду гулять, – радостно добавил он, – и ходить в магазин.

– А спроси, на чьи деньги?

– На ее, конечно, – ответил Андрей, – Ты не услышала.

– Что на ее деньги можно купить, сам понимаешь!

– Понимаю. А как из этих денег сварить обед – не понимаю! Ну, что-то добавим.

– Вот с этого и начни. То есть, ее придется еще и содержать!

– Три миллиона все покроют!

– Ну да! – вздохнула Валентина. – Еще и останется. И уже выходя у дома из машины, восхищенно сказала:

– Вот баба! Так завещала, что попробуй, откажись! И уже ночью засыпая, толкнула Андрея в бок:

– А если год, два и мы не сможем?

– Она просто отзовет завещание и перепишет на других.

– А наши затраты!?

– Вот поэтому ты и думай!

... Прошел год. За это время Дина стала почти что членом семьи. Не смотря на разницу в возрасте, дочка, уже считала Дину своей бабушкой.

Андрей выводил ее на прогулки, благо парк был через дорогу, и даже научил ее переходить самостоятельно через дорогу, подсказывая только сигнал светофора. Вообще и он и Валя, как могли, учили ее что-то делать самой.

... Снова настало лето. Снова каждый вечер и выходные дни хотелось вырваться из душного города.

Была пятница. Валя с дочкой только что вернулись от Ди-

ны, и Андрей приготовил им на ужин большую яичницу. Так называлась их фирменное блюдо, когда в яичницу бросали все, что было в холодильнике, колбасу, сыр, помидоры, оливки, зелень, что под руку попадет.

Валя села на стул, устало опустила руки и вдруг сказала:

– Все, Андрей! Больше не могу. И не хочу, Какая-то дикая не свобода! Какая-то дикая зависимость от чужого человека.

– Но мы же знаем, ради чего это!

– Все! Я сказала все – не нужно мне никаких денег! Хочу свое счастье! И только свою жизнь!

– Валя! Но мы выкинули из жизни год! Что же зря?!

– Ну, считай, что я не способна на это! И не способна зарабатывать деньги! Жили мы без нее, и дальше проживем! Через четыре года мы будем старыми! Все, молодость прошла! Не хочу!

Андрей решил не продолжать разговор. Он знал, утром все может оказаться по-другому.

Утром была суббота и после обеденной прогулки с Диной, где-то в середине дня они должны были поехать к друзьям, в лесную базу отдыха.

– Иди, – сказала Валя, – и скажи ей, что все, я не могу, у меня духу не хватит ей об этом сказать!

... Андрей сел в машину. Она долго не заводилась, тарахтела стартером.

– Хоть бы не завелась! – зачем-то подумал Андрей, не понимая, от чего это сказал.

Но она завелась. Он старался ехать долго, но дорога была короткой. В голове путались мысли и о потерянных деньгах, и оставляемой на безвестность Дине, и поиски выхода не приводили никуда.

И не хотелось уже ни лета, ни шашлыков на базе отдыха, вообще ничего.

Дина, как всегда, улыбнулась ему.

– Пошли?

– Пошли! – сказал он. По лестнице спустишься сама или тебя держать?

– Сама. Но держи, – засмеялась она, – на всякий случай!

Они прогулялись по тротуару и спустились к переходу. На светофоре горел красный.

Андрей взглянул вверх. Камера видеонаблюдения висела как всегда и работала.

Он стоял от Дины на шаг, уставившись в телефон. Бешено мчались автомобили. Вдруг один из них скрипнул по ходу тормозами, видимо пытаясь остановиться, xxx xxxx.

– Идти? – спросила Дина.

– Иди, – ответил Андрей, не отрывая взгляда от телефона.

И Дина вступила в бешено мчащийся поток машин.